вредит познанию настоящего, но ставит под угрозу его историческую перспективу; 3) преемственность как историческая самокритичность общества – решающее условие объективно-диалектического (а не односторонне метафизического) понимания им действительной роли во всемирной истории; 4) преемственность является важнейшим элементом философско-методологического основания для более глубокого критического анализа имеющихся социально-экономических и политических программ и стратегий реформирования и обновления нашего общества и выработки оптимальных научных решений выхода России из кризисного состояния и перехода ее на цивилизованный путь развития.

---

[1] Воронин А.Д. К проблеме теоретического анализа и синтеза в науке о почве // История и методология естественных наук. Вып. 24. Почвоведение. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1980. – С. 24-31.

[2] Добровольский Г.В. Методологические аспекты истории развития почвоведения // Почвоведение. – 1987. – № 10. – С. 17-25.

[3] Докучаев В.В. Наши степи прежде и теперь // Избр. соч. – М., 1954.

[4] Докучаев В.В. Преобразование природы степей // Соч. Т.6. – М.-Л.: Наука, 1951.

[5] Ковда В.А. Основы учения о почвах: В 2 кн. – М.: Наука, 1973.

[6] Майр Э. Популяции, виды, эволюции. – М.: Мир, 1974.

[7] Рьюз М. Философия биологии. – М.: Прогресс, 1977.

[8] Табуркин В.И., Табуркин Е.В. Принцип развития в философии и естествознании. – Екатеринбург, 1999.

[9] Тимофеев-Ресовский Н.В. Структурные уровни биологических систем // Системные исследования. – М.: Наука, 1970. – С. 80-91.

[10] Шмальгаузен И.И. Проблемы дарвинизма. – Л.: Наука, 1969.

А.Л. Анисин*

Консерватизм, традиция и онтологическая свобода человека

Не только в обыденном сознании, но и на более высоких уровнях политической культуры существует ряд стереотипов, касающихся консервативной и либеральной идеологии. Порождены эти стереотипы, по большей части, тем, что Ф. Бэкон называл «идолами рынка» и «идолами театра». Наиболее влиятельный предрассудок, он же и наиболее пагубный, касается отношения консерватизма и либерализма к теме свободы. Либерализм отождествляется в массовом сознании, а также в сознании самих либералов с утверждением свободы личности, а либеральное понимание свободы личности отождествляется со свободой как таковой. В силу этого консерватизм, рассматриваемый как полная противоположность либерализму, объявляется противником свободы. Вся сила либеральной идеологии основывается на такой эксплуатации высокой идеи, основывается на присвоении себе исключительного права говорить от имени свободы и на обвинении всех своих противников в покушении на свободу. Однако сама свобода понимается либерализмом крайне односторонне, если не сказать – искаженно, консерватизм же, с другой стороны, вовсе не равен подавлению личности, – противостоя «свободе» либеральной, он вовсе не противоречит настоящей свободе человека.

Либеральное понимание свободы «мечется» между двумя противоположными и даже взаимоисключающими, но и взаимосвязанными подходами. С одной стороны,

---

* Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории, социологии и экономики Тюменского юридического института МВД РФ.

свобода представляется как «НЕЗАВИСИМОСТЬ», как отсутствие влияния извне. Нельзя не видеть, что, при условии трезвого и последовательного рассуждения, свобода в этом случае должна быть признана несуществующей: независимости нет вообще нигде и никогда, ее и быть не может. Принцип всеобщей связи явлений, который может быть признан одной из философских аксиом, означает всеобщую зависимость всего от каждого и каждого от всего. В этой связи можно говорить только о большей или меньшей НЕсвободе от чего-либо, определяемой большей или меньшей степенью зависимости от этого предмета, – свободы же попросту нет. Второй подход к свободе, предполагаемый либеральной идеологией, связан с понятием ВЫБОРА. «Свобода есть возможность и способность выбора», – такова часто встречающаяся формула «либеральной свободы». Однако даже при минимальном продумывании этой формулы выясняется, что такая свобода есть всегда, поскольку всегда есть какой-то выбор, – иногда не тот, который нам бы хотелось иметь, но тем не менее вполне реальный выбор. Обстоятельства, в которых человек оказался, он по своей воле прямо здесь и сейчас выбирать уже не может (другое дело, что эти обстоятельства во многом являются результатом некоторых прошлых выборов человека). Но в этих имеющихся налицо обстоятельствах человек не только может, но и реально всегда выбирает самого себя, свой поступок, – то, кем он будет в сложившейся вокруг него ситуации. Эта свобода самоопределения неустранима из человеческого бытия, человек, по выражению Сартра, обречен на такую свободу.

Таким образом, оказывается, что либеральное понимание свободы в обоих своих взаимозависимых вариантах обессмысливает саму идеологию либерализма: нет ведь никакого смысла бороться за свободу, стремиться к ней, если она (понимаемая как независимость) невозможна, также нет никакого смысла в либеральных лозунгах отстаивания свободы, если она (понимаемая как выбор) неискоренима, если она есть всегда, хочешь ты этого или не хочешь. Так или иначе, говоря о свободе, либералы, как и все люди, имеют в виду некую настоящую свободу, но только понять ее и обрести ее, оставаясь на позициях либерализма, невозможно. Эта настоящая свобода состоит не во внешних условиях политического режима, не в наличии у человека выбора между некоторыми вариантами поведения и не в отсутствии влияния извне на этот выбор, – то есть не в том, чем озабочены либералы. Эта настоящая свобода представляет собой некоторый способ выстраивания человеческого бытия изнутри, – такой способ, который сообщает бытию человека внутреннюю полноту и открытость мирозданию, такой способ, которым обретается уникальная самобытность личности и в котором в то же время эта уникальная личность возвышается в своем бытии к сопричастности Бытию абсолютному и вечному.

Такая свобода не сводится уже только к политически обретаемому и социологически фиксируемому благу гражданского общества, в такой свободе заключается высшее онтологическое призвание человека. Обретение этой свободы есть всегда дело личное, такую свободу невозможно дать человеку извне, невозможно гарантировать ее законодательно, однако при этом государство призвано играть важную роль в становлении и реализации этой свободы. В этом моменте состоит принципиальное отличие консервативной идеологии от либеральной в отношении к теме свободы. Либерализм исходит как раз из возможности и необходимости законодательных гарантий свободы, из возможности «дать свободу», завоевать ее на социальном уровне в качестве социологической характеристики (неизбежно, правда, и скорое разочарование: «К чему стадам дары свободы?!»). Но в то же время либерализм принципиально противопоставляет свободу и власть, гражданское общество и государство. С точки зрения либерализма лучшее, что государство может сделать в обеспечении свободы граждан, – оставить этих граждан на произвол их собственной пожеланий, уменьшиться в размерах так, как это только возможно, и ограничится наблюдением за тем, чтобы свобода граждан махать руками заканчивалась там, где начинается лицо другого человека.

Настоящая свобода, как мы уже отметили выше, открывается в перспективе онтологического самоопределения человека, – сама этимология слова «свобода» восходит, по-видимому, к корню «свое бытие, своебытность, сво-будность». Здесь сам язык указывает нам, что всякое свободное проявление человека, чтобы обрести силу настоящей свободы, должно быть укоренено в самобытных основаниях личности. Свобода человека, таким образом, вырастает из корней традиции, – и это единственный способ быть самим собой, быть оригинальным существом, то есть быть оригиналом, а не копией. «Все, что не в традиции, – то плагиат», – писал Игорь Стравинский, имея в виду значимость укорененности в традиции для акта художественного творчества, мы же считаем возможным применить эти слова и к человеческой жизни вообще.

Человек призван к сотворению себя и своей жизни, – именно в этом заключается смысл его онтологической свободы. И здесь – точно так же, как и в творчестве художественном, – действительная новизна рождается только из глубин традиции. Всякий оригинал (не копия) именно постольку оригинален (originalis), поскольку связан с неким началом, первоистоком (origo). Связь же с первоначалами человеческого бытия и человеческой культуры как раз и обеспечивает традиция (от trado – несу), – несение опыта переживания этих первоначал. И единственный способ этот опыт нести, – это его освоение: необходимо войти внутрь традиции, зажить ею, обрести в ней живое единство со смыслообразующими первоосновами человеческого бытия. И все это – для того, чтобы оказаться способным сказать в своей жизни свое – не заемное – Слово, чтобы прожить свою собственную, а не «как у других» жизнь, чтобы дать возможность своим детям, следующему поколению не утратить этой живой связи со смыслом бытия, точнее, – дать возможность этому смыслу дойти до них через мою жизнь.

Смысл консерватизма – именно в хранении и продолжении традиции. Вовсе не реакционность и не сопротивление прогрессу образуют смысл консервативной идеологии. Сопротивление историческому и онтологическому беспамятству, сопротивление безмыслию и легкомыслию, которые ведут к выхолащиванию жизни, – вот ее смысл. Другими словами, творческое созидание и обогащение жизни, глубокая укорененность и живая цветущая сложность всех жизненных проявлений, то есть настоящая онтологическая свобода человека, – вот смысл консерватизма.

С.С. Анисина*

Консервативные ценности в условиях системного кризиса общества

В наше время, когда понятия кризис и дисфункция общества признаются базой для описания его системных качеств, а релятивизм общественного сознания не позволяет иногда даже подступиться к глубокому исследованию некоторых острых социальных проблем, становится сложно утверждать высокое значение таких институтов общества, как семья, государство, религия.

Современный мир давно уже вступил в пору кризиса. Этот кризис носит многоплановый и многоуровневый характер. Непросто поэтому разобраться в его истоках, отделить главное от производного. Часто при анализе современных глобальных проблем человечества указывают, как на причину, на возросший уровень научно-технического могущества человека. Но чем бы мог грозить человечеству научно-технический прогресс, если бы использование его достижений было разумным? Как смогли бы современные проблемы приобретать катастрофический характер, если бы жизнь людей была основана на здоровых нравственных принципах, предполагающих

* Кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, истории, социологии и экономики Тюменского юридического института МВД РФ.